

Лихорадка президентства Трампа

(начало на 1 стр.)

Внимание: по мнению *Wall Street Journal*, трудность заключается в том, чтобы понять, когда Трамп просто ведёт себя издевательски, а когда он серьёзен, при этом отнюдь не все заявления президента газета считает лишёнными смысла. В отношении Канады это чистое издевательство: Трамп любит подтрунивать над Джастином Трюдо, называя его «губернатором следующего 51-го штата». Что касается Панамы, то если он настроен серьёзно, то «создаст себе проблемы»: «превратит союзника в Западном полушарии в противника» и рискует развязать «непрекращающуюся гражданскую войну». С другой стороны, Гренландия – это реальный вопрос, который имеет прецеденты в так называемой “hemisphere policy”, политике США в отношении Западного полушария, то есть экспансии Вашингтона в ближнее зарубежье, говоря по-русски. О приобретении Гренландии думал уже госсекретарь Уильям Сьюард после аналогичной покупки Аляски в 1867 году; в 1946 году это безуспешно пытался сделать Гарри Трумэн. У США уже есть военная база на острове, а «старая колониальная держава, Дания, не может защитить его от прицелов Китая и России». Решением может стать «свободная оборонная ассоциация» с Гренландией, «подобная соглашениям США с некоторыми островными государствами Тихого океана».

В Копенгагене и Брюсселе уже отметили, что Гренландии, как автономной территории датской монархии, предоставлены гарантии безопасности ЕС; отметим, что это игнорирует не только Трамп, но и *Wall Street Journal*. На острове местные выборы в апреле этого года могут быть совмещены с референдумом о независимости; это чревато беспрецедентным дипломатическим кризисом между США и ЕС.

Джонатан Эял, директор британского RUSI (Королевского института оборонных исследований), утверждает, что Трамп хочет стать первым президентом со времён Мак-Кинли, осуществившим «значительное территориальное расширение» США. На первый взгляд, расплывчатые высказывания Трампа могут показаться «смешными», но его территориальные требования могут предвосхитить «новую доктрину Монро»: раньше она была направлена на то, чтобы не допустить европейские державы в Западное полушарие, сегодня доктрина будет нацелена против Китая.

Из поистине огромного количества комментариев и аналитических материалов мы выбрали два, поскольку один из них освещает поверхностную динамику феномена Трампа, а другой резюмирует глубинную логику его одностороннего национализма. Фредерик Шарильон, бывший директор IRSEM, стратегического исследовательского института при военной школе Франции, пишет в *Opinion*, что мир вступает в эпоху «жесточкого реализма», в котором доминирует примат силовых отношений. Симптомом этого является и фанфаронство Трампа, причём за этим последует и второй, и третий тайм. Сначала фанфаронство и уловки ни к чему не приведут, а Трампа будут считать «нелепым манипулятором», не принимая всерьёз. Ему придётся реагировать, чтобы показать серьёзность своих намерений, и тогда он осуществит свои угрозы в виде «экономических войн» или, что ещё хуже, развяжет войну настоящую.

Рино Формика, исторический лидер итальянской соцпартии, в интервью *La Stampa* утверждает, что на самом деле США больше не хотят иметь союзников: «Они отказываются принимать цену альянса, которая всегда заключается в наделении некоторым суверенитетом самого альянса. Без общего суверенитета остаётся только сиюминутное совпадение интересов. Именно этого и хочет Трамп: сиюминутного совпадения интересов. Разделять с союзниками общую политику и институты больше не считается важным: это и есть настоящее новшество». Вспомним предложение Шарля де Голля 1958 года о создании директории, в которой западные державы могли бы обсуждать свои интересы, и где именно Арктика была в числе областей, по которым можно было бы согласовать общую политику. Американская односторонность предстаёт как противоположность этому стратегическому единству.

Этот вопрос переплетается с внутренней динамикой американской власти и тем, с какой эффективностью ей удаётся синтезировать генеральную линию ключевых групп и фракций. Мы находимся на классической почве марксистской теории государства в эпоху империалистической демократии: плюрализм экономических сил представлен

плюрализмом политических сил и механизмами сдержек и противовесов. Вопрос об эффективной *плюралистической централизации* никогда не решается окончательно, и регулярно отдельные экономические силы, отдельные доли капитала будут пытаться в одностороннем порядке захватить политическую власть; одна из функций государства как раз и состоит в том, чтобы защищать общие интересы буржуазного класса от частных интересов отдельного капиталиста.

Одно из измерений американского кризиса заключается в том, что новые высокотехнологичные информационные группы, так называемые *платформы социальных медиа*, многократно углубляют противоречие, которое уже имелось в ситуации с крупными газетами и телевидением: они являются «кентаврами», так как этими компаниями управляет логика капитала, и в то же время они занимают центральное место в информации, политических дебатах и распространении идеологий. Сегодня *bully pulpit*, «высокие кафедры» – это *X* (бывший *Twitter*), *Facebook*, *TikTok* и другие платформы, конкурирующие за рынок *follower*, подписчиков того или иного *influencer* – лидера общественного мнения, в сочетании с телеканалами, в свою очередь, конкурирующими за рейтинги.

Мы уже говорили о дисбалансе, присущем *телевизионной демократии* и *социальным медиа*, и ещё будем говорить об этом; здесь достаточно вспомнить о противоречии самих платформ, которые являются *общественными площадками*, принадлежащими *отдельным капиталистам*, где логика рекламных инвестиций, следующих за рейтингами и подписчиками, благоприятствует распространению эксцентричных и экстремальных позиций, и где *bully pulpit* теперь занята одним капиталистом – владельцем главной платформы, который также кооптирован в администрацию президента. Об Илоне Маске, эксцентричном и психически пограничном персонаже, вплоть до признаваемого им самим употребления наркотиков, его биограф Уолтер Айзексон сказал *La Stampa*, что склонность к «крайностям» и «тотальности», игнорирование ущерба и «обломков, которые отпадают по пути», может помочь в управлении компанией, «но вызывает проблемы в обществе, когда нужно соблюдать баланс различных сил».

Именно так. Второе измерение американской политической лихорадки касается веса новых высокотехнологичных групп в администрации Трампа, где благодаря предупреждению брошенному Джо Байденом против «олигархии» «технопромышленного комплекса» утвердился нарратив о том, что горстка *техноолигархов* захватила власть в исполнительной власти. Действительно ли их вес и хватка таковы, что они искажают *плюралистическую централизацию* интересов, а Трамп, в свою очередь, пытается изменить *баланс ветвей властей* в пользу президентской исполнительной власти?

Сабино Кассезе ставит этот вопрос под собственным углом зрения, пользуясь правом мэтра в области концепций политической теории. В истории, пишет он в газете *Corriere della Sera*, «никогда не встречались частные силы, которые так быстро заявили о себе, обладали бы таким богатством, такой мощью, такими обширными территориальными и функциональными сферами, как технологические гиганты»; результатом стало то, что «частные силы более могущественны, чем государственные» и «компании, родившиеся в одной стране, стали наднациональными, глобальными»; они могут избежать «суверенной национальной юрисдикции» благодаря «арбитражам» или могут «бросить им вызов». Это реальная проблема – достаточно задуматься об уходе от налогов крупных глобальных групп, – но, по нашему мнению, её следует распространить на все крупные концентрации капитала, начиная с финансовых групп.

The Economist, с английским практическим рассудком, переходит к реалиям баланса сил и крупных американских групп. Противовесами Трампу, с которыми он будет вынужден идти на компромисс, станут Сенат, Палата представителей, где у него незначительное большинство, федеральные суды и даже Верховный суд, где у консерваторов не большинство 6 к 3, а фактически «3–3–3, где два консервативных лагеря образуют блоки, столь же отличные друг от друга, как и либеральный».

Что касается «техноолигархов», то они «контролируют слишком малую часть огромной и разнообразной экономики страны, чтобы иметь возможность влиять на её общее направление». На Amazon Джеффа Безоса, Meta Марка Цукерберга и Tesla Илона Маска приходится «одна десятая стоимости всех публично торгуемых акций в Америке», а их вес в

ВВП составляет 1,8 %. Даже если прибавить Apple и Alphabet, чьи руководители также присутствовали на присяге Трампа, получается 3,1 % ВВП.

Утверждение технологических гигантов в войне капиталов нельзя преуменьшать, особенно на фоне Европы, которая на этом фронте оказалась застигнутой врасплох, но, добавим, немыслимо такое одностороннее восприятие администрации Трампа, какой она предстаёт в журналистских карикатурах. Это вопрос меры: в тех пропорциях, в которых существует дисбаланс, неизбежно возникнет борьба между властями и внутри самой администрации за восстановление баланса, и это обычная логика *плюралистической централизации*.

Марта Дассу в *Aspenia* даёт более чёткое представление о сформировавшейся коалиции: «Это альянс по расчёту с американским неокapитализмом технологических гигантов, частью Силиконовой долины, частью крупных финансов (особенно “деструктивных”, т. е. криптовалютного сектора), частью старого истеблишмента “сланцевой нефти и сланцевого газа” и частью обрабатывающей промышленности, которая теперь надеется на реиндустриализацию благодаря пошлинам, а не стимулам». Это «коалиция нео- и ветерано-капиталистов». Таким образом, добавляем мы, наличие *вожака-задиры*, который дома обещает снижение регулирования и налогов, а за границей запугивает конкурентов, является преимуществом, от которого, похоже, не хочет отказываться ни одна группа.

Последним вопросом является столкновение с Европейским союзом. С одной стороны, технологические группы ищут у Трампа поддержки в противостоянии европейским правилам Закона о цифровых услугах и Закона о цифровых рынках; с другой стороны, на ЕС давит американское дерегулирование, и внутри союза растёт давление в пользу движения в том же направлении. По мнению журнала *The Economist*, ЕС сталкивается с новой эрой «дипломатии цифровых канонеров», но свод правил и институтов с так называемым «брюссельским эффектом» сохранится. После некоторого первоначального ошеломления от того, что американская атака ударила по ЕС даже сильнее, чем по Китаю, возобладала дозировка переговоров и твёрдости против американской односторонности.

Следует задуматься: категории *либеризма* и *протекционизма* сами по себе перед лицом американского *национализма* стали менее пригодны для понимания *знака цикла*. Вашингтон сочетает *либерализацию*, дерегулирование внутри страны с *протекционизмом* вовне, но при этом целенаправленно использует протекционистскую угрозу, чтобы ослабить регулирование других стран. В борьбе за потоки капитала он поощряет иностранные инвестиции в США, пользуясь свободой их перемещения, но оставляет за собой право блокировать нежелательные вторжения через CFIUS (Комитет по иностранным инвестициям США), как это было в случае с Nippon Steel – US Steel. Единственным критерием, который удерживает вместе *либеризм* и *протекционизм* и их пропорции, является односторонний *экономический национализм*, и это новый факт, который фрагментирует и усложняет характер цикла.

Наконец, следует помнить, что каждый инвестиционный цикл обычно сопровождается финансовым пузырьком, а каждый пузырь в экономике – пузырьком идеологическим: перед глобальным кризисом 2008 года был изобретён *конец риска* благодаря производным ценным бумагам, а сегодня воспеваются всемогущество и вездесущность технологических гигантов. *Frankfurter Allgemeine Zeitung* пишет, что скоро может стать ясно не только то, что Трамп «не умеет ходить по воде», но и то, что политика в целом – непростое дело даже для популистов. Трамп запустил свою собственную криптовалюту – первый случай, когда президент сам себя поставил на кон. Это незнание собственной меры, которое неизбежно столкнётся со своими пределами.

Январь 2025 г.